

Анатолий Агарков

*Где
кончается
порядок*

Где начинается авиация, там кончаются
дисциплина и порядок.

Анатолий Агарков
Где кончается порядок.
Где начинается
авиация, там кончаются
дисциплина и порядок

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083264
ISBN 9785449050458*

Аннотация

Взгляд на советскую армию изнутри. Так ли она сильна была, как ее выдавала воскресная телепередача «Служу Советскому Союзу» Взгляд субъективный, но честный.

Содержание

1	5
2	32
3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Где кончается порядок
Где начинается
авиация, там кончаются
дисциплина и порядок**

Анатолий Агарков

*Где начинается авиация, там кончаются
дисциплина и порядок. /приписывают И. Сталину/*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5045-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Учил меня работать на УКАМПе старший прапорщик Драч Николай Васильевич. Замечательный человек! Ну, как о таком не рассказать? Совсем не воинственный горлохват, а наоборот – этакий философ армейской службы. Мы с ним вели по душам беседы, делая положенную работу.

– Мне все больше нравится, Николай Василич, работать в армии. Знал бы раньше – закончил училище. Ведь военные люди – это особая категория советского народа. Менты им в подметки не годятся, хотя тоже ходят с оружием.

– Все верно, только одно запомни: где начинается авиация – там заканчиваются дисциплина и порядок, ибо, когда писали уставы, авиация была в небе.

– На гражданке я думал – нам нужны промышленность и процветание. Дай человеку надежду на будущее для него и его семьи, и он будет счастлив. Сейчас думаю – этого мало. Нужен еще надежный щит от внешних врагов.

Драч откинулся на стуле и рассмеялся:

– Ты, Егорыч, чешешь, как настоящий замполит.

А мне было не обидно. Я думал, что это были самые приятные рабочие дни в моей жизни.

– Василич, с тобой интересно общаться.

– Нравятся армейские прибаутки? Запомни, парень – авиация держится на заклепках и подь. бках!

– Да нет, и о серьезных вещах ты интересно рассуждаешь.

– Разве в райкоме не с кем было поговорить?

– Там другие темы и разговоры другие.

Мне очень хотелось, чтобы Драч меня понял, но и клепать на прежних своих коллег считал моветоном.

– Годы и обстоятельства меняют людей. Теперь у меня другие интересы и занятия.

Старший прапорщик состроил гримасу.

– Предпочитаешь спокойную жизнь в авиации?

– Да уж, до крайности надоела политика. Мне хотелось быть честным, а там, где работал прежде, это было совсем невозможно. Знаешь, как раздвоение личности – курить общество борьбы за трезвость и пить вечерами в райкомовском гараже. Напрягает.

– Ну, в этом плане здесь спокойнее – пить так пить, работать так работать, но иногда возможны и совмещения. Всему научишься, дай срок.

Меня удивил его тон. Он как бы говорил с осуждением о существующих порядках в ТЭЧ.

Вошел старший прапорщик Кунак (это не фамилия).

– Обед, мужики, кончай работу! Козла забьем?

– Иди к себе, – отмахнулся Драч.

– С тобой все понятно! А ты? – он ко мне обратился, и глаза его лукаво блеснули. – С Драчилой свяжешься, рано со-старишься. Пойдем – одного игрока не хватает.

Я взглянул на Драча – тот плечами пожал. Мы пошли с Ку-

наком (это не фамилия) в лабораторию «черных ящиков», то есть самописцев. Там уже поджидали нас два прапорщика – Кириленко и Лысенко. Перемешали, разобрали и пошли долбить костяшками стол, покрытый пластиком...

Очень скоро я понял, что вполне мог бы удовлетвориться спокойной жизнью в армии, радоваться семейному обеду и обсуждению успехов нашей дочери. Если бы не теща... И что так приклеило Тому к ней? Может быть, ответственность за нее, несуразную, может быть инфантильность – никуда без мамы. В итоге имеем то, что имеем. Захочет ли Тома со мной жить, когда у меня здесь все устаканется и прекратится травля райкома партии? И захочу ли я с нею жить? Вместе с тещей точно желания не имею.

Вернувшись домой и закончив день, лег в кровать с мыслью, что завтра снова поеду на аэродром. Как это здорово, однако!

Проснувшись утром без будильника, почувствовал себя на распутье – прогуляться до леса уже не успею, выдвигаться к отъезду еще рано. Чем заняться? Начал думать. На ум пришла помощница капитана Белова. Вот черт! Женский вопрос скоро станет проблемой.

Встал, штору отдернул. За окном снега не было, однако небо обложено тучами.

Надвигался рассвет. Скоро на улицах станет оживленно, откроются магазины.

Сегодня я сам без подсказок буду работать на УКАМПе,

а Драч пусть молча наблюдает. Или пусть пойдет погуляет. Скоро ему на пенсию, и его должность займу я – стану настоящим техником в лаборатории анероидно-мембранных приборов. Будут у меня в подчинении юный прапорщик Холодок и солдатка (правильно, рядовая) Альфия. Они механики. Их обязанность – снимать с регламентируемого самолета приборы и доставлять в лабораторию на проверку. А моя задача их проверять (приборы) и ставить подпись в журнале контроля, то есть брать на себя ответственность и за работу механиков. Но пока это делает Николай Васильевич. Я на правах стажера, но с окладом техника шестого разряда. Так порешили командир полка и начальник группы АО.

Умылся, позавтракал и оделся в надлежащую форму для работы в ТЭЧ. Помахал маме и отправился к месту остановки машины с кунгом. Драч приехал на другой, которая ходит напрямую – через лес мимо кладбища. Встретились в лаборатории и улыбнулись друг другу. И я подумал, когда Василич уйдет на пенсию, мне его будет здорово не хватать. Но об этом пока рано думать. Сперва надо полностью освоить УКАМП.

– Сегодня, Николай Василич, я работаю самостоятельно. Ты газетку почитай – где запутаюсь, позову.

– Очень хорошо, – сказал он, усевшись на табурет и привалившись спиной к двум толстым трубам, заменявшим нам батареи отопления. Глаза прикрыл, читать ничего не собирался.

– Как лучше к Турченкову обращаться – товарищ капитан? начальник? или Леха?

Драч открыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

– Начни с капитана – он поправит.

Я так и сделал – постучал в дверь к начальнику, открыл и спросил:

– Товарищ капитан, разрешите позвонить диспетчеру.

Мне показалось, что Турченков очень хочет послать меня нах..., но вместо этого он сказал:

– Ты что, Егорыч, прикалываешься? Надо звонить – заходи и звони. Мы здесь на работе, а не в учебной роте. И не надо стучать. Если я здесь буду бабу жать, то будь уверен – закроюсь.

Я позвонил диспетчеру ТЭЧ.

– Пожалуйста, доложите погоду.

На мое «пожалуйста» Турченков только хмыкнул.

Звонкий девичий голос в трубку рассказал мне каково атмосферное давление, влажность воздуха, направление и сила ветра.

Я вернулся в лабораторию АМП и настроил УКАМП согласно полученным данным. Проверил приборы по инструкции, внес поправки в таблицы, дал их на подпись Драчу.

– Эти высотомеры с учебных мест? – спросил старший прапорщик.

Наши самолеты Ту-137ш оборудованы для тренировочных полетов курсантов – будущих штурманов. В салоне

смонтированы учебные столы-стенды для натаскивания будущих ассов неба. Те же приборы, что на приборной доске у пилотов. Мы их тоже проверяли при регламенте самолета и писали таблицы поправок – все по-взрослому.

Драч подписал.

– Ну, так это, Василич, пойду и поставлю?

– Для этого механики есть.

– Ты уйдешь, я буду расписываться за контроль – а как контролировать, если не ставил сам?

– Все правильно, – согласил наставник. – Запомни на будущее: чем меньше трогаешь приборы с мест, тем дольше летает самолет.

– Парадокс какой-то. А, Василич?

Сложив в противогазную сумку приборы, сунув в карман отвертку и гаечный ключ 8x10, отправился на самолет.

В салоне, вскрыв пайолы, лежа на брюхе, копался в электропроводке старший прапорщик Кунак (это не фамилия).

– Вот и Егорыч! – приветствовал он меня. – Пришел отверткой греметь.

– Помешаю?

– Да несколько. Все, что полезно самолету радует мое ухо.

– Это как?

– А знаешь ли ты, образованный инженер, что самолет имеет свойство в полете гудеть?

– Работающими двигателями?

– Сам по себе.

Прикалывается... Не умно. Я занялся делом.

– Егорыч, тебя же техником принимали... – Кунаку (это не фамилия) было скучно молча работать.

– И что?

– Ты только расписываешься, а ставят механики.

– Я для практики.

– А я бы на твоём месте за такую практику Холодка за пивом послал, а Альку раком поставил и на кутак.

– Так и сделаю, Коля.

Кунак (это не фамилия) не любил, когда его называли по имени, фамилии или обращались по званию, и надолго умолк. Он мне при знакомстве представился так: «Головка больше, чем кулак – старший прапорщик Кунак». Про «головку» это я мягко сказал, его слово было менее цензурно.

Вернувшись в лабораторию, я вновь запустил и настроил УКАМП – предстояла проверка ещё одной партии снятых приборов. Но никого не было и работать не хотелось. Близился обед. Заглянул Кунак (это не фамилия).

– Выключай, Егорыч, свою шарманку – пошли «козла» забьём.

Отказался:

– Мне надо в группу вооружения.

Пошел Макарова искать. У них было две лаборатории – в одной регламентировали прицелы (это, между прочим, сложное электронное оборудование в виде... ну, не с чем сравнить, а размерами с тумбочку), в другой проверялись

механизмы крепления и сбрасывания бомб. А еще здесь ре-
зались в карты на деньги – в обеденное время с открытой
дверью, в остальное ее закрывали, когда предавались азарт-
ным играм.

– АОшник идет, грузеный деньгами! – приветствовали
меня.

За столом сидели не только вооруженцы.

– Пока присмотрюсь, – поскромничал я.

Играли в «храп». Ставка десять копеек, правда, банки
стремительно росли – сказывались армейские азарт и боль-
шие зарплаты. Макаров, когда «пасовал», отвлекался на ме-
ня:

– Привыкаешь, друже?

– Мало-помалу.

– А скажи, какими словами ты уел Карася, что он тебе
сразу шестой разряд сунул?

Видно было, что Макарова это сильно заедало – у него
тоже шестой квалификационный разряд, но после многолет-
ней выслуги.

– Дипломом, Саня.

В разговор влез начальник группы вооружения капитан
Лямин:

– Учиться надо было, Егорыч, а ты с рогаткой по школе
бегал.

– Зато без всяких дипломов освоил прицелы не хуже те-
бя, – взбрыкнул Макаров.

– Егорыча посади в самолет, – улыбнулся хитро Полий. – Он лучше любого штурмана отбомбиться. Так, Саня?

– Так, – согласился Макаров. – Главное, чтобы ты внизу бегал – не промахнись.

Старший лейтенант Данилов из группы «Самолеты и двигатели»:

– Егорыч, а слабо тебе сесть на крыло, снять штаны и кому-нибудь за шиворот навалить без промаха?

– Пойдем навалю.

– А в полете?

Обед закончился, дверь заперли – игра продолжалась. Я прозевал, когда можно было выскочить, и теперь томился, не зная как к Лямину подступиться, в кармане которого был ключ от замка.

В дверь резко постучали:

– Лямин, открой – Голованов!

Карты убрали, деньги смахнули, дверь отперли. Вошел офицер из эскадрильи – по синему комбинезону можно было определить, что он из летного состава (у наших техничек цвет – черный). Всем руки пожал, в том числе и мне.

Старший лейтенант Данилов приветствовал его такими словами:

– Легчик должОн быть тупой, здоровый, беспредельно преданный Родине, бегло считать до десяти и твердо знать, что после десятки идут валет, дама, король и туз – так Вован?

– Точно так, Серега, – согласился гость и Лямину. – При-

вез, Андрей?

– Привез, – сказал начальник группы вооружения. – В машине, пойдем отдам.

И присутствующим:

– Так, все, расходимся, сеанс окончен – пора за работу.

И ушел вместе с летчиком. Остальные прошли в курилку.

Под крылом регламентируемого самолета копошился боец срочной службы.

– Кто там под плоскостью и что он там делает? – решил выяснить старший лейтенант Данилов, посредством использования неподчиненного ему прапорщика группы вооружения Полякова.

– Керосин в кефирную бутылку заливает, – ответил Валентин Поляков, не сходя с места.

– Зачем?

– Наверное, горло полоскать?

– Зачем?

– От ангины верное средство.

– А если с присадкой?

– То верная смерть. Но ведь не было еще морозов – вряд ли в керосине сейчас антифриз.

– А откуда у него штанга (приспособление для слива топлива из бака)?

– Кто-то из ваших дал.

Поляков и с места не сошел, а Данилов отправился к бойцу, чтобы выяснить, кто ему дал штангу и предупредить,

чтоб написал домой прощальное письмо, если все-таки керосин с антифризом.

Швырнув «бычок» в обрез с водой, отправился я в свою группу. На моем месте сидел Драч и проверял установленные на стенд приборы.

– Что же ты бросил их? – упрекнул.

– Обед начался. Но УКАМП я выключил.

– Выключил, – согласился наставник мой.

Я присел в сторонке наблюдать за его манипуляциями.

Солнце садилось, небо потемнело, яркие краски окружающих аэродром лесов потускнели, когда мы толпой шли к КПП автобата (автомобильный батальон). Рабочий день закончился – еще один из общей череды. Сейчас подадут две машины с кунгами, мы загрузимся и поедем домой.

Подошел грузовик – его кузов брезентом прикрыт, но не плотно: видны были ящики с чем-то там. Тормознулся, пока боец открывал ворота. Прапора в миг облепили его – жадные руки торопливо шарят под брезентом кузова, как у девчонки под юбкой. Миг – машина тронулась, прапора соскочили.

– Что привезли? – спросил не участвующий в разбое Полий Полякова.

– Вот, – тот показал две кафельные плитки рыжего цвета, какие обычно лепят в туалетах на стены.

Две плитки! Две плитки и такое бесстыдство у всех на глазах... Я не мог понять психологию товарищей прапоров.

– Оно тебе надо? – спросил я Валентина.

– Все верно, – обычным юмором своим Полий поддержал товарища. – Уходя с аэродрому, прихвати чего до дому.

И наставник мой присоединился к обсуждению темы.

– Старые прапорщики говорят – служить буду, куда руки носят.

Однако!

На отъезд подтянулись офицеры и служащие штаба.

– Вот идет майор Капустин, – приветствовал Кунак (это не фамилия) одного офицера, пожимая ему руку. – Мы его к себе не пустим.

Тут же выяснилось, что прельстившая меня дама в строю части – Капустина, жена майора. Что же они не вместе идут? Я бы с такой женщиной под руку ходил и гордился.

Мы и на регламенте не очень-то утрудились, но когда самолет укатили в эскадрилью, в ТЭЧ наступило полное безделье. По крайней мере для служащих СА – ведь нас не привлекали ни к построениям, ни к политзанятиям, ни к нарядам. Можно было и на службу не приезжать, но мы приезжали. Мы – это мы с Макаровым и еще две женщины. Лариса – одинокая, ногами симпатичная тетка лет сорока из радиолокационной группы. И Люба – красавица из группы электрооборудования, жена инженера-электрика полка Коваленко. Нам бы спариться да замутить что-нибудь. Но мы в дни застоя-простоя прятались в свои углы. Я размышлял в одиночестве над тем, как жить дальше, Макаров в карты играл

на деньги, женщины вообще меж собой плохо ладили.

Однажды Александр Егорович остался совсем без партнеров и приплелся ко мне.

– У вас что, ни домино, ни карт нет?

– Где-то прячут, но я не буду шариться по столам.

– Пойдем ко мне – у нас все есть.

– Были бы шахматы, а от «козла» какой прок? Карты вообще верный путь в Преисподню.

– Совсем не обязательно играть на деньги – можно в подкидного.

– Одно название чего стоит! Расскажи лучше о себе. Ты давно в армии? За границей служил?

– Я нет. Лариса служила в Польше.

– Стало быть, служащих советской армии отправляют за границу?

– Отправляют.

– Ты бы где хотел служить?

– Здесь, конечно. Вовок (это Полий) в Венгрии был – говорит, ничего хорошего: мадьяры они и есть мадьяры.

– А Лариса что говорит?

– То же самое – только бздежики еще гавнистее. Нет в мире лучше русского народа.

– Весьма печально. Хотелось бы подружиться с кем-нибудь.

– Ваши Лысенко с Кириленко служили в Германии и не нахвалятся – немцы друганы настоящие: они западни-

ков ненавидят.

– Чехословакия – прекрасная страна.

– Я про народ говорю.

– Народ везде одинаковый – есть дерьмо, есть ниче.

– Ну, не скажи...

В конце концов, мы перешли в лабораторию вооружения и вяло стали стучать костяшками домино. Долог день до вечера...

Такие томительные безделия понуждали философские размышления.

Кто мы здесь? – маленькие винтики большой системы. Трутни в улье? – ну, те хоть маток оплодотворяют. Существа без цели в жизни, способные только в карты играть да костяшками о стол стучать?

Ну а что в этом плохого? Отрегламентированный самолет летает – выполняет учебно-боевую задачу. Скоро новый пригонят, и будет у нас работа. Жизнь продолжается – есть и от нас какая-то польза.

Только мне этого мало. Я не могу вести бесполезную жизнь – каждый час мне дорог. Надо что-то еще кроме осознания, что самолет имеет свойство гудеть в полете, и в этом есть моя заслуга. Все предопределено судьбой. Раз я здесь и свободен – в смысле, от текущих дел, надо заняться тем, о чем давно уже подспудно мечтаю. К черту газеты и журналистику! – суета сплошная. Буду писать книги – о себе, о том, что видел и знаю, о любви и пути человека к счастью... Вот

как-то так.

Зима пришла. За окном метель. Собачья погода, надо сказать. И дело не в том, что ветер гонит снег по дорогам – просто скучно, и глазу не за что зацепиться. Неизмеримо легче, куда легче существовать пусть даже в мыслях в той жизни, которую я описываю в общей кожаной тетради – там и лето теплей, и зима веселей: будто сплошные рождественские праздники. Впрочем, чего это я...

Нет, методичное описание семьи моего отца в художественных рассказах не имело ничего общего с глупыми романтическими бреднями. Все это личное, и только личное. Стало личным с тех пор, как я решил стать писателем, но не в угоду толпе, а сам по себе – ни под кого не подстраиваясь. Вот как отец рассказывал, так и пишу, стараясь извлечь урок из ошибок родственников. Стараюсь быть объективным, чтобы не быть судьей – зная, что красные победы, не стремлюсь чернить белых. Да нет, наверное, еще даже объективнее – ибо писатель должен быть беспристрастным.

Прискорбные подробности гибели деда моего Кузьмы Васильевича, конечно, придуманы и даже, возможно, приукрашены – ибо не осталось в живых очевидцев, и не дошел до семьи рассказ о том. Но то, что он насильно был забран в колчаковщину и не вернулся из провального похода адмирала к Волге – факт.

Старший брат отца Федор удрал от насильного призыва в белую армию и волей-неволей стал сочувствовать красным.

Никогда не был он сторонником и поклонником советской власти, но усердно работал на благо семьи, а значит крепил и ее – власть имею в виду, а не только семью. И погиб, защищая Родину от фашистского гада. Я любил и гордился Федором, как любил и гордился им мой отец.

Рассказывая о Федоре Кузьмиче, я завидовал ему – независимому и спокойному, всезнающему и уверенному, что мир вращается вокруг него, а не наоборот. Жаль, что корень его прервался – и сын помер юным, и дочь не пережила потерю девичества. Никого не осталось и ничего – нет даже крестика от них на петровском погосте.

Самое поразительное, что не питаю ненависти к Андришке Масленникову, на чьей подлой совести жизни зятя Федора и Александры, замученной им жены. В краеведческом музее наш доблестный родственник красуется, как основатель первого колхоза на увельской земле – стало быть, пример нам всем и наука в жизни.

Каждый исполнил свою роль и ушел. Никто не был счастливее другого – каждому хватило своей доли горя и радости. Такова жизнь. Потому тебе и решать, человек. Хочешь быть подлецом – будь. Хочешь жить честно – живи. Сам решай, кем и каким быть. Я за правду жизни и против придуманных идеалов, которые с детства из нас и наших детей воспитывают лицемеров.

Поэтому и пишу по журналистской привычке да из гордости, не меняя фамилий своих героев – нам, Агарковым, есть

чем гордиться. А те, кто при власти сейчас и воображают, будто сойдет им с рук любая подлость, глубоко заблуждаются – память о них будет жить вечно. Недобрая память – не та, которой гордятся...

Снег в самом деле повалил – за окном потемнело, и я включил свет в лаборатории. Ребята пришли с политзанятий. Посыпались реплики:

– Сидишь, Егорыч, а того не знаешь, что немцы берлинскую стену разрушают!

– Твою мать! Не дожить до пенсии, придется воевать!

– Замесим «козла», пока господа офицеры сзади плетутся.

Застучали костяшки по пластику стола.

В мире творится черте что, и, кажется, Горбачев не догоняет события. А может, это его такая хитрая тактика – как знать? Нам-то все равно на события в мире не повлиять, остается сидеть и ждать – время покажет. А война случится, мы – полк учебный, нас призовут в последнюю очередь.

Я поморщился – черт их принес всех в нашу лабораторию; негде больше кучковаться что ли?

Наконец, Турченков:

– Э, кончайте-кончайте – рабочее время. Или закройтесь.

Лишние разбрелись по своим рабочим местам.

– Что, Василич, политотдел говорит – война на пороге? – спросил я Драча.

Наставник мой уютно устроился у теплых труб и хотел покемарить часок-другой до отъезда. Однако оторвался

от столь приятного занятия и напыщенно объявил:

– Рехнулся, Егорыч, мир. Ей бо, рехнулся!

– Война будет?

– Ну, а как без нее?

Старший прапорщик Драч зевнул и закрыл глаза.

– Воевать не хотелось бы.

– Авось пронесет, – предположил мой наставник.

– Чета, как будто, в последнее время мы их побаиваться вроде начали – с чего это, а, Николай Васильевич?

– От Горбатого все идет. Раньше правители были строже: чуть что – авиация на крыло!

– Ты воевал?

– Не пришлось.

– А смог бы?

– Если прикажут – куда деваться? Турченоч вон солдата завалил.

– Как это?

– Дезертира искали, местность прочесывали с автоматами наизготовку. Тот в кустах шнырился... Ну, Леха его и... А когда разбираться? Тут – кто кого раньше.

Сразу с приезда заскочил к дочери. Тещи, слава Богу, не было дома.

Тома кормила девочку с ложки. Но ребенку не нравилось только рот открывать. И это еще слабо сказано. Она терпеть не могла сидеть сложа руки – их надо было обязательно куда-нибудь задействовать. Но всякий раз, когда мама предла-

гала ей самостоятельность, ложка неизменно превращалась в катапульту, суп или каша в метательные снаряды, ну а уж кому не повезет – в римских легионеров, осаждающих Настину крепость. Поэтому Тома взяла в свои руки процесс кормления. Ей одного только не хватало – превратить этот полезный и нужный процесс в увлекательное приключение.

Раздевшись, взял инициативу в свои помытые руки.

– Ну-ка, черт возьми! я голодный с работы: давай по-братски – ложку мне, две тебе.

Под шумок сунул Насте ложку в рот – не пустую, конечно.

– Считать умеешь? Сколько слопала? – покажи на пальцах. Да у тебя и пальцев столько нет. Все хватит объедаться – остальное мое. Что нет? Тебе тоже надо? Ты больше моего слопала и еще хочешь? Где совесть, дочь?

Под шумок ложка за ложкой – тарелка пуста.

– Ух я наелся! – похлопал себя по животу. – А ты? Еще хочешь? Да нам тебя не прокормить. Мама, неси добавки.

Тома не верит:

– Сам что ли съел?

– Дочь, нам не верят – пойдем дуться.

– Ей надо спать.

– На диван нам можно лечь?

– Сначала разденься.

Мне кажется моя дочь умом и сообразительностью намного превосходит своих сверстников. И наблюдательностью. Она с одного взгляда определяет в каком я бываю настрое-

нии и подстраивается – вместе грустим, вместе балдеем. Готов поклясться всеми богами, что в этом маленьком тельце живет душа взрослого человека. Хотя безграничная энергия доказывает, что это все-таки ребенок.

Именно эта самая энергия, выплеснувшаяся при моем появлении, делает Настин сончас невозможным – ей хочется прыгать и скакать. И висеть вниз головой в моих руках...

– Ага, сейчас, – кивает Тома предостерегающе. – Мы только поели.

Маленькая бедокурка никак не хотела лежать под одеялом и слушать сказку про влюбленного летчика, который прямо из самолета рвал на облаках цветочки для ее мамы. Ей самой хотелось летать самолетиком в моих руках – она и ручки раскинула и похоже гудит: ну, просто маленький-маленький истребитель.

Мы немножечко полетали, в окно посмотрели на двор занесенный снегом и, наконец, оказались на диване.

– Жил-был на свете Дед Мороз. Елку с игрушками Насте принес.

– Кстати, елка ребенку с тебя, – Тома уже в кресле с семечками.

– «Если ты сосчитаешь всех зверят, которые на елке висят, я исполню твое желание», – сказал Настеньке Дед Мороз. Давай посчитаем.

Дочь тут же выпростала ручку из-под одеяла.

– Зайчиков сколько на елке – три? Значит, три.

Мы загнули Настеньки три пальчика.

– Ежиков на елке три? Значит, три.

Мы загнали еще два пальчика.

– Ой, не хватает! А где же третий? Доставай вторую ручку – будем на ней считать.

Дочь хитро улыбается, головой мотает, ручку не достает.

– Ах так! Ты нарушила сказку. Я обиделся и с тобой не играю.

Поворачиваюсь набок и смотрю на Тамару.

– Обрати внимание, – говорю ей, – как стремительно растет наш ребенок. Ей уже мало идти в русле рассказа, она по своему усмотрению меняет сюжет. Вот чем она сейчас занимается?

Тома встает на цыпочки и заглядывает через меня на дочь.

– Пальчики свои рассматривает. Скоро уснет. Ты лежи, не шевелись.

– Как живешь без меня, жена? – шепчу я.

Тома укоризненно цокает языком – тихо, мол, ребенок засыпает.

Минут через десять я встаю, одеваюсь. Настя спит – Тома перекладывает ее в кроватку.

– Тебя покормить?

– Я домой.

– Вернутся не хочешь?

– Сюда нет.

– И долго ты собираешься так жить?

– Как только ты захочешь отсюда съехать, так семья наша сразу воссоединится.

– Совсем недолго осталось ждать, – печально кивает Тома. Как трудно сохранять жизнерадостность, когда уходишь от любимой женщины. На душе снова мерзко. И некого винить кроме самого себя. Это я поверил Пашкову. Это я ударил тещу. Это я сейчас ухожу в метельную мглу от дорогих моему сердцу людей.

А снег все валил... А ветер все дул...

Не дойти до дома без перекура. Завернул в пивбар.

Какой-то пьянчуга прямо с порога:

– Угостишь пивком, воздушный флот?

– Перебьешься.

– Какие мы важные... – нарывается подлюга.

Мужик был в резиновых сапогах, которые были ему явно велики, имел тяжелый запах давно немытого тела, табачного дыма и перегара. В едва достигавшем колен потертом пальто казался грузным, почти толстым. Спутанная борода и нечесаные, с густой проседью космы, похоже, годами не знали ни ножниц, ни мыла.

Сегодня меня раздражала каждая мелочь. Просто поразительно, как чешутся руки стереть с заросшего рыла эту мерзкую ухмылочку алкаша. Врезать бы в челюсть, да так, чтобы он покатился по полу. Взял себе пива...

Опять эмоции. Чересчур часто они стали посещать в последнее время – не к добру это. Сейчас-то нервничать ни

к чему. Вроде все устаканилось. Вот только семья...

Нет, но Тома сама виновата – что ее так держит возле маминой юбки? При желании мы давно бы уже нашли квартиру и жили в ней в любви и согласии. Что ни говори, а вины моей нет – я ни в чем ее не обманул. Обманули меня – и она, и Пашков. Во всем виновата ее детская привязанность к буйно-больной матушке. А в жертву принесено детство нашей единственной дочери. Наверное, удар оказался куда тяжелее, если бы не дразги с райкомом. Как это ни парадоксально звучит, но следует поблагодарить врагов-партократов за то, что дали возможность отвлечься на них...

– Я никому не хочу причинить вреда, но кто-нибудь дайте мне пива...

Что это? Я оглянулся на мужика в сапогах – в руках у него уже был нож, длиннющий такой свинок. Его миролюбие внушало тревогу. Оглядев всех присутствующих, он почему-то выбрал меня. Подошел, с достоинством помаячил перед лицом длинным узким лезвием и забрал мою кружку.

Мне было приятно такое внимание – вот же приятель, не побрезговал. И нож его внушал уважение, обещая мгновенную и безболезненную смерть.

Остатки моего пива исчезли в его глотке, а нож вернулся к моему лицу.

– Эй, ты, – отдельно произнес его обладатель, – закажи еще.

Пустая кружка грохнулась о столик передо мной. Я взял

ее в руку – таки оружие.

– Послушай, приятель, чего ты добиваешься?

Острый, как перец чили, свинокол ткнулся в мою грудь – порезал новую демисезонную куртку техника. Вот сволочь!

– Заткнись, – тихо посоветовал мужик сквозь зубы. –

Не стоит звать меня приятелем.

– Как вы хотите, чтобы к вам обращались? – голос мой выразил максимум деликатности и почтительности.

Бродяга, похоже, это оценил.

– Вова.

Ну, Вова так Вова – мне без разницы. Нож бы только убрал от груди. Он убрал.

– Иди за пивом.

Топая к стойке, я оглядел зал. Трое подростков, один из которых девушка, да старик из бани распаренный – все до смерти перепуганы. Впрочем, я успел на ходу кивнуть одному сопляку на дверь – беги, мол, да на помощь позвать не забудь. Но мальчики, похоже, были парализованы страхом.

На улице взвыла сиреной милицейская машина. Как быстро! Наверное, барменша нажала тревожную кнопку. Наверное, менты с наганами в руках уже бегут нам на выручку. Мы все ждали – вот-вот распахнуться двери, и... Но время шло и никого.

Я поставил перед Вовой полную кружку пива и не сводил с него глаз. Мужик с действующей мне на нервы рассеянно-

стью стал прихлебывать, поигрывая ножом в руке.

– Стоит тебя разок пырнуть, и все будет кончено, – поведал он мне.

– Зачем это вам? – я попытался его отговорить.

– Не то чтобы я очень хочу тебя пришить, но почему бы и нет?

Меня поразила его манера говорить – ясная, членораздельная речь, продумано и взвешено каждое слово. Передо мной стоял спившийся элемент, но, похоже, в его жизни были и деньки получше.

– Зачем вам убивать меня? – спросил я.

– А чтобы не выпендривался.

– Хорошо. Больше не буду.

Поскольку Вова дал понять, что не любит суеты, следующая четверть часа прошла в тягостном молчании. Потом он послал меня еще за одной кружкой пива. Я принес. Никак не мог поверить, что обречен на смерть. Ведь у него нет ни малейшего повода меня убивать. Вот сейчас он допьет третью кружку и уйдет.

– Что у нее там на витрине есть закусить?

– Сушеная рыба и копченые крылышки.

– Попроси.

Я попросил копченое крылышко и подал, как мне подали – на блюдечке. Мужик цапнул его грязной рукой и сунул в карман пальто. Допил пиво, сунул нож под пальто и шагнул в двери, буркнув мне:

– Расплатись.

Что это было? По уголовной статье, наверное, грабеж. А по мне, так знамение судьбы – нечего время тратить зря, помни о смерти.

Я расплатился за вонючего Вову и пошел домой.

Уходил на пенсию Николай Васильевич в канун Нового Года. Ну может, там еще какие проволочки были административного характера, но пригласил Драч группу АО на отвальную в последних числах декабря. Стол накрыл в своей четырехкомнатной квартире. Мы тоже скинулись и преподнесли дембелю один ценный подарок от всей группы.

Николай Васильевич, говоря прощальный тост, не сдержался и подпустил слезу – момент действительно был душещипательный, и мы его поняли: никто не ухмыльнулся даже. Армейская служба, солдатская дружба – это вам не фунт изюма. Не каждый, начав переправу, доплывет до противоположного берега. Вторым тостом помянули погибших и умерших товарищей.

Третий тост за Турченковым, четвертый за мной...

– Мне очень жаль, Василич, с тобой расставаться не потому, что я за ту же зарплату загружаюсь ответственностью техника, а потому, что за этих неполных два месяца совместной работы ты был не только моим наставником, но стал настоящим близким другом, которого у меня давно не было. Поэтому мой тост – за истинную дружбу между людьми!

– Так и есть, Егорыч! – потянул ко мне навстречу рюмку

хозяин квартиры.

Нас поддержали дружным звоном.

Вот так получилось, что отныне я считаю Драча Николая Васильевича своим лучшим другом, а он уходит на пенсию и вряд ли мы еще сможем увидеться. Хотя при желании конечно сможем, но возникнет ли оно? – вот в чем вопрос. Конечно, встретиться и поболтать – большое удовольствие. Но дружить надо с пользой, разумные люди говорят: чтобы ты мне, а я тебе – а просто так, это не дружба. Конечно, я мог поведать другу о своих неудачах, а он посочувствовать – помочь вряд ли. Мудрым советом разве что...

Рассказал как-то про ситуацию с женой. Драч решительно – брось и найди другую... стока баб без мам. Это мне не подходит.

2

Алексей Иванович Холодок, прапорщик 23-х лет от роду имел свое суждение о летном составе полка.

– Летчик – это не тот, кто пьет между полетами, – сказал он, – а тот, кто летает между пьянками.

Вместе с ним я возмущенно обозрел группу «пьяниц», пришедших на отъезд к автобату не в положенное время в конце рабочего дня, а в самом его начале. Печальное зрелище! Ну и что, что полеты отменили – сиди где-нибудь и служи Родине: тебе за это деньги платят. А они домой собрались. У нас вон тоже самолета в регламенте нет, но мы же не разбегаемся с аэродрома.

И что они будут делать дома? Наверняка за бутылками побегут!

А Холодок добивал их, ничуть не стыдившихся дезертирства, своим сарказмом:

– И ведь прилично зарабатывают, а все равно попрошайничают – каждый раз просят посадку, когда из полета возвращаются.

К моему разочарованию синие куртки и комбинезоны не слышали мудрых речей прапорщика Холодка. Не до того им было – эти ничтожества ждали машину для отъезда домой. А мы прошли мимо. Нас Турченков послал в «чипок» за закуской – в группе АО намеревалась пьянка по поводу

дня рождения начальника.

А еще я узнал от Алексея Ивановича, что летный состав очень часто свободное время проводит в спортивном городке – то в футбол играет, то на снарядах занимается. Мы же в ТЭЧи слишком заняты настольными играми в любое время, чтобы транжирить его на заботу о собственных телах. А любителя индивидуально позаниматься в спортгородке завтра же почти наверняка завалят дополнительной работой.

Красноречие мое не потребовалось – поздравителей у начальника было хоть отбавляй. Накатив стопарик и зажевав его бутербродом, пользуясь отсутствием внимания, смежил веки и принес Господу краткую, но искреннюю благодарность, что наконец-то избавил меня от райкома и привел в этот дружный и споенный коллектив авиационных техников и механиков.

Потом почувствовал, что мне не хватает собеседника – все говорили, а я молчал. После того как накатишь по полстакана раз да другой, тянет выговориться. И хочется, чтобы кто-то послушал тебя. Задымил сигаретой – тут уже все курили, но облегчения не пришло.

После приезда, решил заглянуть к семье.

Открыв дверь по звонку и увидев меня, Тома замерла.

– С тобой все нормально? – в ее голосе прозвучала неприятворная тревога.

– Да, – негромко ответил я.

– Где ты был?

– Я с работы. И у меня выдался нелегкий денек.

– Ну, разумеется – очень заметно.

– Мы праздновали день рождения начальника.

– Как я могла не догадаться?

Мы стояли и смотрели друг другу в глаза.

– Ты непустишь меня к дочери?

– Таким нет.

– Прости. Мне не следовало таким появляться. Сейчас уйду. Просто хотел сказать, что люблю тебя.

От таких объяснений оба давно отвыкли, так что общение давалось с трудом.

– Я когда выпью, тоже тебя люблю. Но к сожалению, я не пью.

Зачем пришел? К чему объяснения? Как мне понять и научиться, что молчание нисколько не тяготит. Молчание – единственное, что от человека требуется в таком состоянии. Все сказать можно будет потом.

Я проспал до шести утра и проснулся с мерзким запахом во рту. Интересно, что мы пили вчера? Начинали-то с водки – точно помню. А потом вылезли в Увелке и еще добавили... А потом я пошел к семье. Как противно и стыдно перед Томой! Хорошо, что меня не видела дочь...

Что меня подтолкнуло к пьянке? Ах да, день рождения Турченкова. Если в группе десять сотрудников, не считая солдатки, то я гарантировано каждый месяц буду хо-

дить на бровях, и представится возможность совершить какую-нибудь глупость. Эх ма, это судьба! Сам себе посоветовал расслабиться и ничего не принимать близко к сердцу.

Интересно, чем мне заняться на службе, если самолет опять не прикатят? Дремать у трубы отопления, глотая таблетки или заставить себя писать романы?

Пробежался, позавтракал, пошел на отъезд.

Ну точно, самолета нет. Личный состав угнали в клуб на политзанятия.

Время замедлило бег. Пространство заполнил рой вопросительных знаков – чем заняться? Подремать у трубы отопления? Пойти к Макарову поиграть в настольные игры? Или таки открыть заветную тетрадь в кожаном переплете и для начала хотя бы почитать то, что уже написано? – глядишь, охота придет продолжать.

Саня Макаров сидел в лаборатории прицелов и скучал с миной мессии на лице, которому поручено спасти человечество. На меня не обратил ни малейшего внимания. Да я и не ждал от него особых церемоний. Он даже не предложил мне сесть, и то, что я все же опустился на стул, не улучшило его настроения.

– Обещают жуткий снегопад, – сообщил я ему.

Мы оба посмотрели на часы. До обеда еще два часа. Раньше вряд ли кто придет.

– Пойдем замесим?

– Ключ у Лямина.

О чем еще говорить? Вернуться в лабораторию, сесть у окна, прижавшись к трубам, и смотреть на вихри снежные, которые веют враждебно? Спешить было некуда. Небо темнело, метель усиливалась. На земле лежал снег толщиной сантиметров в пятнадцать, а метеослужба обещала и того больше. Чистить не перечистить нам стоянку для самолета. Но даже разыгравшаяся стихия была не в силах остановить политические занятия с техническим составом. А летный состав, конечно, уже увезли домой. Снежная буря давала им восхитительную возможность передохнуть от нескончаемых учебных полетов с курсантами на борту.

Игра в карты на деньги «храп» была не просто времяпрепровождением. Порой она собирала на столе фантастические банки, которые разыгрывались с молниеносной быстротой и долго потом обсуждались. Иные отчаянные надолго залетали в долги и аккуратно платили с каждой получки. Конечно, жаждали отыграться и возникали споры, когда они зарубались на банки, которые не в состоянии сразу же возместить. Споры бывали такими жаркими, что участники вместо языка готовы были пустить в ход кулаки.

Случаи, когда на банке стояли сотни рублей, были редкостью, и, как правило, деньги эти были обещанные. В эскадрильях, говорили, играли только на наличку, и неспособный выплатить долг немедленно удалялся из игры. Вот у них действительно на столе бывали сотенные бумажки.

У нас на улице да и на стадионе в бараках игра в «храп»

тоже была популярной. Но там ставка была – две копейки, и банки поднимались очень медленно. Редко кому за вечер удавалось сорвать десятку.

Вот о чем думал я, сидя молча в лаборатории бомбовых прицелов и глядя в окна на усиливающийся буран.

– Как только обед начнется, нам надо Лямина не прозевать, а то за стол не попадем. Ты будешь играть? – прервал молчание Макаров.

Этот корпус однако теплее, и батареи у них по окнами вместо наших труб.

Сидя в уютной, располагающей к неге лаборатории, я размышлял о перипетиях судьбы и игры, которая называется «храп» – какие-то для нее законы мыслимы? Помню, был большим докой институтской науки «Теория вероятности», которая зиждилась на примерах расклада карт. В определенном смысле я, дипломированный профессионал, мог бы разработать свою концепцию риска в игре и ходить с набитыми деньгами карманами. Или долговыми расписками – раз тут такое принято.

Если родиться такая теория и пройдет практику на сотенных банках, можно будет играть в таких местах, где на кон ставят тысячи. Я прикинул свои возможности на пути к карточному богатству и ощутил прилив азарта. Какая-то прилипчивая, неприкрытая алчность. Стоит попробовать!

Появился народ на дороге от клуба. Наконец-то! – время обеда.

Семь человек окружили стол, сидя на стульях. Двое стояли и наблюдали.

В карточной игре, как в бане, все равны – капитан ты или служащий советской армии. Выдали четыре карты – посмотри и скажи: либо «храп», либо «пас», либо «помогаю». Никто не отважился – в банк добавляют. Просто все... Но «храпу» пока еще предстояло найти в моем лице страстного поклонника.

Следя за игроками, я размышлял – в чем принцип успеха? неужто только в случайности? Любопытно, чем меня пугает риск авантюры? Возможностью проиграть или выиграть кучку денег? В принципе, деньги у меня есть – то есть, то что проигрывать есть. Я умею добиваться поставленной цели. У меня здоровое честолюбие. Есть желание выиграть хорошие деньги. Что еще надо игроку? Железную силу воли, чтобы вовремя остановиться и остаться с выигрышем? Здесь такое, однако, не приветствуется: пока везет – играй до звонка.

Я, как появился на свет без чувства долга перед обществом, так без него и живу вот уже почти тридцать пять лет. Меня учили приносить пользу, я учился лишь тому, что было интересно мне. С детских лет твердо знал – если говорят на пользу обществу, то подразумевают личную выгоду. А мне претило лицемерие – я никогда не путал общественную пользу с личной выгодой. Будь порядочным – мой девиз – а там будь, что будет.

С таким настроем я и сел за карточный стол игроком.

Первое, что усвоил – большой выигрыш, как и большой проигрыш ведут к большому стрессу, который мне совсем не нужен.

Второе – моя задача за карточным столом не выиграть и не проиграть, а на людей посмотреть и себя показать в пиковых ситуациях.

Третье – не стоит судьбу испытывать на авось: как говорится, не повезет, так мастурбируя триппер подхватишь.

Четвертое – судьбу стоит испытывать на всю катушку, которую она сама дает в твои руки.

Таковы правила, а что на практике? На практике дело было так. Садясь за стол, начиная игру, я выкладывал из кармана всю свою мелочь, играл на нее и в пределах ее без тормозов – испытывая судьбу. Если день задавался, играл так, что партнерам казалось, будто намерено хочу всю сумму немедленно проиграть, которая кон от кона увеличивалась, не смотря ни на что. Однажды было даже такое – я полез четвертым помогать. И сумма была большая, и все отговаривали – не валяй, мол, дурака, и колода уже роздана вся. Я попросил перетасовать сброс и выдать пять карт. Выпало четыре семерки. Кто знает правила игры – это карт-бланш. Вот как бывает!

Если день не задался, и мелочь моя ушла, доставал из бумажника рубль и играл без всякого риска – видно было, что день не мой и не стоит напрягать судьбу наобум.

Такими правилами и железной выдержкой я практически никогда не проигрывал. Это, во-первых, меня не расстраивало. А во-вторых, было лучшим лекарством от всех неприятностей. Что может быть полезнее ощущения, что удача всегда с тобой?

Прапорщик Холодок пригласил всю группу на «обмывание ножек» новорожденного сына. Они с мамой еще в роддоме, вот папа и распоясался...

После работы потемну следовало добираться по указанному адресу в Чапаевке.

В Чапаевке! В бандитском и вражеском поселке – это я с детства еще усвоил, когда бились ватагами на берегах канала.

Мне срочно нужен бронезилет.

Несмотря на страх перед грядущим, испытывал странное возбуждение.

В дороге обошлось без стрельбы – похоже чапаевские гангстеры, как и добропорядочные граждане, пережидали непогоду дома. Выйдя с автобуса, расспросил у попутчиков, как найти нужную улицу. Свернув за угол, увидел небольшую группу людей, стоящих в свете витрины магазина. С видом человека, хорошо знающего, где он находится и что делает, прошел мимо. Нашел нужный дом. Позвонил в кнопку ворот. Меня впустили.

Нас собралось из группы аж целых четыре человека. И всего шесть сели за стол, включая отца и деда новорож-

денного.

– С ума сойти! – начался разговор за столом. – Снег, метель и мороз... Уж что-нибудь бы одно.

Стол накрыт по-мужски – картошка, соленья, колбаса, сыр, хлеб... и водка, конечно. Поздравили новоиспеченного отца, выпили, заговорили.

– Спасибо, Егорыч, – Алексей похлопал меня по плечу. – Выполнил мою работу.

Это запоздалая благодарность за поставленные на самолет приборы.

– Рассчитывай на меня смело.

– Ты нормальный техник.

– Прежде всего я человек, потом техник. И никогда не боялся замарать свои белые ручки.

Мы пили, закусывали и болтали. Я был уверен, что буду убит, как только выйду на улицу и с удовольствием наслаждался последними минутами жизни.

– А грибочки отменные, – заявил я, и спросил деда Ивана. – Сами мариновали?

– Ага! И мухомором приправляли, – ответил тот.

Трудно было понять, балагурит хозяин или нет, однако в глазах у него мелькали искорки смеха. Он воевал пехотинцем и рассказал историю из фронтовой жизни. Мол, солдатику одному осколками мины напрочь срезало полголовы. Сослуживцы подняли ее, встряхнули от пыли, на место поставили и бинтами присобачили. Мужик выжил.

Я не верил ни единому слову из этой хорошо отрепетированной и умело поданной оптимистической трагедии. Зато ее заворожено слушали подвыпившие прапорщики. А дед Иван наслаждался всеобщим вниманием.

Алексей подмигнул мне, давая понять, что наслышался подобных баек предостаточно.

Мы уже здорово были податые, когда дед Иван поставил на стол трехлитровую банку самогона.

– Вы намерены пить до утра? – осведомился я у коллег.

– Трудно сказать, – прапорщик Лысенко пожал плечами. – По крайней мере, я остаюсь.

– И ночевать будешь здесь?

– Как обычно. А ты можешь уйти, когда пожелаешь.

Пить до утра или делить сон с присутствующими не входило в мои планы. Но и покидать дом в одиночку было боязно. Чужой человек на безлюдной улице весьма сомнительного поселка? Я был очень далек от мысли испытывать судьбу – пусть даже снегопад прекратится.

– Тебя жена ждет? – спросил меня дед Иван.

Впервые за последние часы я вспомнил о Томе. Как бы она повела себя, явись я к ней в таком виде и в такой неурочный час? Наверняка пробормотала бы нечто вроде: «Ты совсем рехнулся», и захлопнула передо мною дверь. Только и всего.

Я посмотрел на часы – автобусы еще ходили. Пора было возвращаться домой. Больше выпитого мой организм алкоголя уже вместить не мог – так что от «посошка» я реши-

тельно отказался. Дед Иван вышел со мной во двор, покрытый толстым слоем снега. На улице та же картина. Я пошел не очень уверенной походкой подвыпившего мужчины. Хозяин дома стоял в калитке ворот и смотрел мне вслед.

Все более прихожу к выводу, что нашу лабораторию невозможно обогреть трубами. Другое дело – радиаторы, но должно быть поскупились, когда монтировали здесь отопление. Возможно, летом здесь будет прохлада. Я сидел и дрог в зимних «ползунках» в комбинированной куртке и валенках с калошами. Ладони спрятал в «шубинках» – читать еще можно, писать никакой возможности: паста в ручке замерзла.

– Ну мы-то ладно, – ворчал Холодок, – наше дело военное: обосрался и стой. Тебе-то чего, Егорыч, торчать в ТЭЧи коли нет самолета?

На лице Алексея появилась мудрая улыбка человека, который немало пожил и многое успел повидать.

– Сходи к Турченку – пусть отпустит тебя домой. Обычное дело. Вон пилоты – нет полетов, они домой.

– Не удобно как-то: я не на сделке, а на окладе.

Я понимал, что заглатываю наживку, и отдавал себе отчет, что Холодок видит это.

– Давай я схожу.

В обед капитан Турченков заглянул в лабораторию.

– Кошмар! Как вы тут сидите?

– Так и мучаемся, – сказал Холодок. – Алька вон в первом

корпусе у диспетчера задницу греет.

– Ты вот что, Егорыч, – сказал начальник группы. – Утром приехал – нет самолета, жопу в горсть и на отъезд. В одиннадцать машина от автобата идет через Увелку в город. Не хер тут сопли морозить, а то еще заболеешь.

Начальник вышел, я своему механику руку подал.

– Спасибо, Алексей Иванович.

– Всегда пожалуйста, Анатолий Егорович. Люди должны помогать друг другу.

Я понял, что снимать и ставить приборы на самолете в регламент придется мне.

– Но как ты сообразил – мне и в голову не пришло, что так можно.

– Видишь ли, давно известно: в летчики берут по здоровью, а в техники по уму. Чувствуешь разницу?

– Быть тебе техником.

– Сразу, как ты на пенсию уйдешь!

– Похоже, что раньше ты демобилизуешься – мне до шестидесяти еще четверть века.

Разговаривая, Холодок размахивал руками, играл голосом. Он оказался весьма красноречивым оратором. Я представил его адвокатом – получилось бы. Забывал о времени, внимая его рассказам.

На следующий день так и поступил – приехал в девять, уехал в одиннадцать. Заглянул к семье, но Настя спала. Общение с Томой тяготило – мы уже отвыкли от сантимен-

тов. Не раздеваясь, ушел домой. Спокойная работа в авиации сделала меня другим человеком – как-то сказала Тома. Но она пока не может понять – лучше или хуже. Не знал этого и я.

Но новая моя работа мне нравилась, и только дурак захочет спрыгнуть с поезда, который несет его в светлое будущее. Это к тому, что я тоже хотел понравиться своей работе – вернее ее дателям, а еще вернее – начальству.

Как всякий настоящий трудоголик, я не нуждался в будильнике – просыпался и вставал тогда, когда это было нужно. Снегом забило и запырило все дороги в лесу. Но от поселка по полю до леса дорога была пробита бульдозером и накатана автомобилями. Вот по ней я и бегал утрами. Хотя мои культыхания с припаданием на пострадавшую ногу трудно было назвать бегом.

Потом завтрак и отъезд на работу. В девять часов я уже в лаборатории.

Я ни с кем не спорил ни по какому поводу. Тем, кто заговаривал со мной, старался отвечать вежливо и внятно – с присущей мне выдержкой оставался внешне самим собой. Думаю, что у окружающих и особенно у начальства пропали всякие сомнения относительно моего желания беззаветно служить Родине и авиации.

Тома после моего бегства из семьи наверняка нашла нужный ритм существования, и теперь муж ей был не нужен. Настенька еще слишком маленькая, чтобы всерьез сучать

по отцу. Для партocrats райкома на аэродроме я стал недосягаем, и попытки наезда на меня прекратились – выработалась привычка просто не замечать друг друга при случайных встречах. В конце концов, все устаканилось, что и следовало ожидать.

Однажды мы с Томой специально встретились, чтобы обсудить наши финансовые отношения. Она не подавала на алименты, потому что не без оснований рассчитывала на большую поддержку, чем ожидалось через суд. Финансовые дела мы всегда обсуждали открыто, без недомолвок. Сейчас не было причин что-то скрывать.

– Ты выплачиваешь алименты сыну? – холодно взглянув на меня, спросила жена.

– Да.

– По-моему, мы вправе рассчитывать с Настенькой на половину оставшейся суммы, ведь я еще в декрете.

– Согласен.

– Думаю, нам не стоит пока разводиться, – учтивым голосом сообщила Тома.

Я любезно, в тон ей, ответил:

– Конечно.

Надеясь, что согласие не расторгать наш развалившийся брак прозвучало достаточно искренне, я повеселел. Настораживало одно – все это временно, до ее выхода на работу. Тогда, возможно, что-то и переменится.

– Ну, тогда я пошла.

Нам не хватило чувств даже на приличную ссору. Или смирение – удел святых?

Сестра, узнав об этом сговоре, сказала:

– Ты с ума сошел!

Я прикинулся, что оценил ее шутку:

– Да, слегка тронулся, но пройдет.

Так на взаимной договоренности завершилась вторая моя еще менее продолжительная брачная жизнь. В тридцать пять лет оказался я абсолютно независимым от пут семейного рабства. Передо мной открылся беспредельный простор для жизни по велению совести. И если бы не одно маленькое существо, манившее к себе своей беззащитностью и бескорыстной любовью, я должен был считать себя счастливейшим из смертных.

Не считалось. В душе боролись противоречивые чувства, и было время для самоанализа. Второй раз я покидал семью. Впрочем, вру – первый раз покинули меня, и я целый год ждал, когда перебесится моя благоверная. Второй раз... Копится опыт. Скоро уже могу писать методички о том, как развалить семью без скандала.

Тома не хочет оформлять развод – формально мы еще муж и жена. Но ощущение было такое, что семья наша распалась навсегда. Я найду себе женщину. Тома узнает и обронит скупую слезу. А может, выплачется вволю – кто знает? В любом случае мой уход не стал для нее трагедией. Она умеет приспосабливаться к обстоятельствам.

Свобода не вызывала радости. Похоже, мы оба, Тома и я, проиграли.

Я заперся в лаборатории. Стены ее, выкрашенные белилами, приобрели унылый серый цвет, краска кое-где потрескалась и облупилась, по углам тенеты. Дощатый пол изрядно обшарпан. День был менее холодным – шариковая ручка не замерзла. В кабинете начальника есть электрообогреватель, но нет начальника, и кабинет закрыт. А сколько бравады за моими словами – я служу в авиации! Знал бы кто, в каких условиях приходится служить, не стал бы завидовать.

Ну да ладно, я не поехал в одиннадцать домой, чтобы остаться наедине со своим новым увлечением – пишу сборник рассказов «Самой» о моих предках.

Так увлекся, что не заметил, что время уже к обеду.

В дверь требовательно постучали.

После непродолжительной возни с замком впустил в лабораторию прапорщика Холодка, который сгорал от почти сексуального желания слиться в одно целое с трубой отопления.

– Ты чего не уехал?

– Да и дома тоска – здесь хоть в карты можно поиграть.

– Ты с ума сошел?

– У тебя семья, а у меня никого. Рано приеду, родителей расстрою – опять, скажут, с работы выгнали.

Вошел прапорщик Ручнев – совсем нездоровенный из себя, но стул под ним скрипнул в попытке сложиться навек. Он

мой родственник дальний по материнской линии и зовет по-родственному меня «коммунякой», хотя я не сдал учетную карточку в полковую парторганизацию и официально считаюсь беспартийным.

– Ты знаешь, Леха, что летчик-испытатель легко летает на всем, что по идее должно летать, и с усилием на том, что летать не должно?

– Ты это к чему? – спросил я.

– Да Холодок все летунов ругает.

– Дак то испытатели, а наши и на самолетах летать не умеют, – отстаивал свою жизненную позицию Алексей Иванович.

Шутки кончились. В глазах у Ручнева ни смешинки. Он хорошо запомнил – я из белого дома, из числа неприкасаемых; чтобы там не случилось, я его личный враг.

– Значит, ты к нам из райкома пришел, – в который раз начинает он.

– Допустим.

– А зачем?

– Неужели перед тобой идиот, Владимир Иванович? Конечно, с заданием – выявлять недовольных и стучать кому следует.

– А если мы тебя удавим втихую и забачаем под самоубийство?

– Риск есть конечно, но он оправдан – здесь двести восемьдесят, там двести двадцать и за каждого изменника Ро-

дины по штуке. Представляешь навар? Стоит впрягаться?

Больше всего на свете прапорщика Ручнева из себя выводит чужая большая зарплата. Он тут же выругался:

- Живут же гады!
- Хочешь к нам?
- Я беспартийный.
- Рекомендацию дам.

Ручнев задумался. Холодок, понимая, что я прикалываюсь, сделал вывод:

– И тогда мы тебя, Вовок, всей группой утопим в туалете: нет тела, нет дела...

Владимир Иванович поверил:

– Нет, лучше мы «коммуняку» на столб.

Помолчали, тиская трубу отопления.

– Нет, а правда, Егорыч, ты почему ушел из белого дома? – это Холодок интересуется. – Все туда рвутся.

– Да не все выживают. Врать приходится много и прогибаться.

– Треснула спинка? – дальний родственник ехидненько.

– В райкоме, как на зоне – кто побывал, выходит совсем другим человеком.

– И что ты там потерял? С заду поимели? – снова Ручнев.

– Если бы остался, то, наверное, да.

Холодок:

– Нравится в авиации?

– Другой коленкор! Могу позволить себе подурачиться

над теми, кто там остался.

– Они не оставят тебя в покое.

– Да я и сам не успокоюсь, пока не воздам каждому должное.

– Похоже, не долго осталось ждать. В ТЭЧи по рукам книжка Ельцина ходит – там он политбюро критикует.

Ручнев с энтузиазмом:

– И скоро приказ поступит – вешать коммуняк! Я тебя по-родственному гвоздями к столбу прибью, чтобы ветром не качало.

– Ой, Вова, не зарекайся. Ты ведь без руководящей и направляющей общество силы быстро собьешься с пути. И даже из дома побоишься выйти...

В трубе забулькало, гулко прокатился гидроудар. Внимать водяным руладам было куда приятнее, чем вести перепалку. Хоть ребята свои, но мне не хотелось ляпнуть что-нибудь такое, о чем пришлось бы впоследствии пожалеть. Но в стране действительно что-то назревает. Такие как Ручнев в открытую говорят – пора вешать коммуняк. Ой, не завидую я райкомовцам. Но кто же команду даст – фас! Мне кажется и команды одной будет мало. Надо чтобы народ весь поднялся разом. Но алкоголик сам знает, когда ему протрезветь.

А уж коль протрезвеет русский народ, самому черту в аду станет жарко. Вспомнились фильмы и книги о Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войне. Вспомнились и нагнали страху – не за себя, за своих

детей. Мне захотелось ринуться домой и припасть к ногам Тома, умоляя ее о прощении.

Время бежало к отъезду. Творческого порыва, владевшего мной до обеда, как не бывало. Я слушал армейский треп и не представлял себе армию единой силой. По крайней мере, в нашем полку, раздай сейчас табельное оружие, половина состава точно перестреляют друг друга, сводя личные счета. Присяга и дисциплина не имеют значения.

Предполагая, что атмосфера в учебном полку будет более спокойной и задушевной, я здорово ошибся. Люди есть люди и у каждого свои интересы.

Алексей Холодок уже доказал, что обладает живым умом и хорошо подвешенным языком, способным высмеять любого. Но не меня: я и сам был остер на язык, только здесь сдерживался – не нападал, а лишь отвечал на выпады. Ле-ха попробовал свой сарказм на меня направить да обломался. Теперь считает своим союзником во всех подначках. Обширный запас слов не только придавал его речи образность, но и заставлял слушателей расслабляться, не замечать ловушки. До поры до времени, конечно. А потом общий хохот над попавшимся на прикол.

– В армию не стоит идти из-за денег – в армии служат по призванию. Берите пример с Вовы Ручнева...

Последовала тирада о бескорыстности прапорщика, попавшегося на сливе бензина из кунга. Горючку, мол, он сливал для детских приютов. Народ хохотал, Ручнев улыбался,

отделавшись легким испугом за кражу.

С таким настроением пошли на отъезд.

У меня была работа, обеспечивающая куском хлеба меня и моих детей. У меня было будущее – ибо авиация будет всегда! – в отличие от моих бывших райкомовских коллег, для которых наступали черные дни: ибо партия наша, руководящая и направляющая сила общества, становилась никому не нужной. Можно уже сейчас работающих в белом доме переименовать в ослов, а можно повременить, когда у них по-настоящему вырастут длинные уши. Говорят уже сам Пашков ездит в пьяном виде за рулем. Что творится на белом свете? Ответ ясен – механизм партийной власти рушится на глазах.

Было холодно ждать машину. Солнце уже давно повернуло на лето, но, похоже, ходило по небу ради собственного удовольствия. Выйдя из кунга в Увелке, я задумался – а не навестить ли мне дочь? С Томой, похоже, все ясно. Когда рушится брак, человек поневоле перебирает все возможные причины катастрофы и варианты развития событий. Что было в нашем случае? Психологическая несовместимость? Нечто более простое? Или некто? Теща, например. Знать бы где соломки подстелить, с первого дня не стал бы жить в этой квартире. Может, и Тому бы уговорил. Эх, не вовремя умерла та, незнакомая мне, бабка, чью комнату теперь занимает моя семья.

Я попытался убедить себя – раз с семьей у нас все покон-

чено, мне пора завести себе женщину. Может, и Тома заведет себе любовника – он даст ей то, что не смог дать я. Хотя вряд ли – с такой тещей только пьяницу можно привести в квартиру. А Тома у нас щепетильная. И пусть убирается к черту – меня уже ничто не волнует. Она забыта, вычеркнута из памяти. Если я решил выйти на охоту, то и Тома может делать что ей заблагорассудится. Да, именно так.

Вместо визита к дочери, я заглянул в пивбар, рискуя снова напороться на рэкетира Вову с ножиком. А может, желая этого.

Меня вызвали в штаб. В кабинете Карасева был еще начальник политотдела полка. Все вопросы были поставлены ребром.

– Скоро выборы в Увельский районный совет депутатов. Вы же местный?

– Местный.

– В райкоме работали?

– Работал.

– Все начальство района знаете в лицо?

– Знаю.

– Решили мы вас выдвинуть кандидатом от нашего округа.

– Мне очень приятно, товарищ полковник, но ничего не получится.

– Как это?

– Очень просто – мою кандидатуру не регистрируют.

– Да вы что?! Не считаться с мнением целого гарнизона?

Кто это может себе позволить?

– Райком партии.

– Мы будем посмотреть на это. Впрочем так, раз вы лично не против, садитесь с подполковником (начальник политотдела) и заполняйте необходимые документы.

Мы сели и заполнили.

Я просто плыл по течению и не хотел пререкаться с командиром полка.

А получилось все, как я и предполагал.

В избиркоме, увидев мою фамилию, попросили немного подождать, а после звонка сообщили:

– Вас ждет в своем кабинете первый секретарь райкома Пашков Александр Максимович.

Он задал подполковнику несложный вопрос:

– Вам плохо живется? Вы чем-то недовольны у себя там, на Упруне и затаили обиду на руководство района.

– Да нет, все нормально, – ответил начальник политотдела.

– Тогда зачем вы этого человека суете к нам в районное собрание? Он дважды был изгнан из района, а вы его в законодательный орган предлагаете. Хотите с нами плохо жить? Мы вам это устроим.

Ничего не ответил подполковник, только напрягся и побелел.

– Впрочем так, – сказал Пашков. – Уберите эти ваши до-

кументы, передайте полковнику Карасеву мои слова. А если он чего-то не поймет – милости прошу ко мне: я объясню.

Вернулся начальник политотдела в часть. Доложил командиру. Кандидатуру они поменяли, а мне рассказал о своей поездке в райизбирком много позже при случайной встрече сам подполковник. Вот так.

Сильна еще партия наша. Рано тут прапора надумали ее хоронить... и коммуняк вешать. Стало быть, еще поживу. А в райкоме меня еще помнят и боятся. Хотя признаться – меня это мало радовало.

За падение с небес на землю нужно платить. И мне казалось, я заплатил сполна – семья, работа в газете... все развалилось. И все-таки меня переполняло счастье – ближайшее будущее перестало внушать ужас: я в авиации, я при деле, а гонители мои отсчитывают свои последние часы.

Я понимал, меня не зарегистрировали кандидатом в депутаты с одной только целью – унижить в глазах моего нового начальства. Но кажется, вышло все с точностью наоборот. Командира полка редко встречал, но начальник политотдела всегда степенно здоровался за руку и расспрашивал о здоровье, успехах... Было приятно.

Да, плевков, по сути, оказался хоть подлым, но жидким – в духе Пашкова. Хотя последующее тем летом событие напрочь развеяло к нему мои негативные настроения. Александр Максимович погиб. Погиб на боевом посту – так было сказано в некрологе. Погиб в автокатастрофе, возвращаясь

из служебной поездки в Троицк. С ним вместе водитель, мой дальний родственник по материнской линии – Виктор Степанович Леонидов.

Но вернемся в февраль.

Вечером раздался телефонный звонок.

– Как поживаешь, техник ТЭЧи? – услышал я очень приятный женский голос.

Тома.

– Привет, – я приглушил телевизор.

– С тобой все в порядке?

– А что со мной может случиться? А ты как?

– Аналогично. Что-то к дочери давно не заходишь.

– Жду получку.

– А просто так?

– Тещу боюсь.

– Да брось ты. Она не всегда бывает пьяной. Скажи – забывать начал нас.

Тома явно хотела поговорить. Похоже, кроме меня, собеседников у нее мало.

– Откуда звонишь?

– Из библиотеки. С Настенькой вон девчонки играют.

– Похоже, мне не успеть.

– Похоже, да. Мы нагулялись, зашли поболтать, а тут телефон.

Тома вежливо поинтересовалась здоровьем родителей. Пообещала навещать их летом с дочерью, если ей выделят

грядки для зелени. Я пообещал вопрос пролоббировать. Поблагодарил за звонок. Попросил Настю к трубке, но ту не отдали девицы-библиотекари.

Закончив разговор, с горечью убедился, что большую часть КВНа пропустил.

Дальше просто дремал перед телевизором, размышляя над перипетиями судьбы. Программа новостей была серой и скучной, как минувший день. Мама спала, отец в санатории по инвалидной путевке. Около полуночи начался «Взгляд» – новая передача на первом канале. Это было нечто новое – и по сути, и по форме. Несколько талантливых журналистов пытались разобраться – что происходит в стране? что от этого можно ждать?

Вывод напрашивался неутешительный – грядет революция. По крайней мере, в умах она уже началась – низы не хотели жить по-старому. А верхи добивал экономический кризис – в магазинах пусто, продукты почти все по талонам. Никита Сергеевич Хрущев обещал народу – через двадцать лет вы будете жить при коммунизме, где от каждого по способности, каждому по потребности. Мою потребность регулируют карточки на колбасу, масло, рыбу и даже спички. Нахрен нужен такой коммунизм!

3

Полгода бок о бок отслужил с Ручневым и не знал к какой лаборатории он приписан. Тут посидит, там кого-нибудь подначит... на регламентируемом самолете почти не бывает. А вот когда снега сошли, и стали мы убирать территорию, тогда узнал.

А случилось так... Шел прапорщик Данилов мимо группы техников и механиков, грабивших прошлогоднюю траву – в смысле, граблями выдирающих ее из насиженного места вместе с мусором.

– Кто так работает! – пожурил Данилов и показал как надо. Взял и поджег прошлогоднюю траву. А оно полыхнуло. Да по всей территории. И прямо фронтом на боксы в углу, где стояли машины с кунгами – наши мобильные лаборатории. Вся ТЭЧ выскочила пожар тушить, но сдержать огонь было трудно.

Начальник наш майор Тибабшев осипшим голосом команду дает:

– Выгнать кунги из боксов!

Боксы они какие? – стены есть, крыша есть, а вот вся парадная часть и ворота выполнены в виде конструкции из арматуры. Ветер туда залетает, дождь попадает, снег заметает и, конечно, трава вырастает чуть не по пояс – теперь высохшая и поникшая, отличная пища для огня. Так что приказ

майора был правильный и своевременный.

Распахнулись ворота – одна машина завелась и выехала, вторая, третья... четвертая завелась и не смогла покинуть бокс. Колесо у нее спустило когда-то давно, село на обод и в луже примерзло – так что никак, только сцепление дымит. А за рулем, понятно, Ручнев матерится. Раньше-то где был? Почему за машиной не следил? А не сказали...

Подкатился другой кунг с буксиром, дернул и вытащил Вову юзом.

И смех, и грех.

Так вот, прапорщик Владимир Иванович Ручнев, мой родственник по материнской линии, был у нас в группе водителем кунга.

Кунг для чего предназначен? Чтобы в боевых условиях, когда, не дай Бог, будет ТЭЧ уничтожена, выехать в чисто поле и развернуть мобильную лабораторию АО (авиационного оборудования). Там и УКАМП стоял, только я к нему ни разу не подходил.

В целях совершенствования боевого мастерства мы должны по сигналу тревоги периодически выдвигаться на кунге в поле и разворачивать лабораторию. Этого мы за всю зиму ни разу не делали. Но отчетность была. И в подтверждение ее, как только потеплело, Ручнев разобрал тросик спидометра и какой-то хреновиной намотал положенные километры. Это я сам видел. А вот что дальше было – дело темное.

Под намотанные километры должен быть списан бензин.

Как его списывали знают двое – начальник группы Турченков и водитель Ручнев. Злословили прапора – мол у Турченка бензиновый бизнес: личной машины-то нет. А у Владимира Ивановича есть «москвич» – отсюда и выросли ноги у байки: мол, попался Ручнев с канистрой бензина. Вова над ней только смеялся.

Может, правда это, может, нет – я не следователь и не фискал. Мне за державу было обидно.

Бог с ней, партией – она давно изжила себя и коммунизма нам не видать. Чем дольше я служил в ТЭЧ полка, тем более убеждался – скоро и над советской армией закружат грифы, издалека чующие падаль. Ей оставался последний шаг перед пропастью – с оружием в руках, выступить против бастующего народа. Где-то, кажется в Грузии, десантники уже рубили саперными лопатами демонстрантов. Об этом в прессе умолчали, но доложили вражеские голоса.

Как-то в конце марта зашел к семье с получкой. С Томой разговаривали у порога и вдруг – чудо небесное! – моя дочь, обеими ручками упершись в стену, делая первые осторожные шаги, вырывается из-за угла коридора.

Я на колени пал, руки к ней протянул:

– Иди ко мне, солнышко ты мое!

Тома меня остудила:

– Не зови, не надо – пусть идет вдоль стены. А то потеряет опору, упадет, ударится и будет бояться.

– Давно научилась ходить?

– Вчера первый раз пошла.

Я забыл подняться с колен – все смотрел и смотрел, как дочь преодолевает пространство. Огромные глаза ее блестят восторгом и упрямством – мир прогибается под нее! И мама ей улыбается, и я.

Тома и мне улыбнулась радостно. Я не заметил в ее внешности никаких перемен. В глазах все та же печаль, но настроение, судя по всему, бодрым.

Я разделся, уселся с дочерью на коленях и осторожно поинтересовался:

– Как дела?

– Нормально, – Тома гладила Настино белье. – Как у тебя?

– Слава Богу, зима закончилась. В лаборатории стало теплей, а то, представляешь, паста в ручке застывала – нечем писать было в журналах.

Мы оба ощущали неловкость. Тома ждала расспросов.

Мне и вправду хотелось знать – выходит она из декрета или нет?

– Что толку в конце учебного года? Теперь уже только осенью.

– А Настю куда?

– Попробую подготовить в ясли. Или с бабушкой.

Как я мог бросить ее, такую смирную и беззащитную?

– Ты в порядке? – вывела меня из транса Тома.

– Что? Да, конечно.

– Мы теперь чаще выходим на улицу – присоединяйся,

когда свободен.

– А вы встречайте меня на приезде – я непременно останусь с вами.

Я пробыл в тот день у семьи вплоть до Настинного отбоя. С Томой расстались очень сердечно. Однако от возвращения прежних отношений мысли мои были далеко.

Холодок и Альфия куда-то ушли. Я сидел в полутемной лаборатории. Внезапно дверь открылась, и грузной поступью вошел Ручнев. Он тяжело опустился на свободный стул.

– Слушаешь вражеские голоса? События в Москве развиваются куда быстрее, чем в стране.

Я не отреагировал.

– Ельцин мутит, как агент ЦРУ.

– А мне, кажется, он порядочный человек. Крутого нрава, но порядочный. Довольно либеральных взглядов, справедлив. Начинал на Урале. Умеет заставить подчиненных работать. Рука у него тяжелая – суд вершит скорый. Пресса вообще считает его одиозной фигурой.

Последовала долгая пауза. Ручнев подыскивал слова, почесывая неудобосказуемое место. Похоже, он явился ко мне набраться политграмотности.

– Если Ельцин придет к власти, будет придерживаться жесткой линии.

– Для коммуняк утешительного мало, – зацепился Вовок. – Я уже вижу петлю на твоей шее.

– Рад, что ты не держишь зла, а умру со словами «Да

здравствует советская власть!»

Стул жалобно скрипнул под телом Ручнева.

– А как ты хотел? За все грехи перед народом кому-то следует отвечать.

– Звучит пугающе, но не убийственно. То, что меня нагнали с райкома, и он до сих пор меня преследует, не звучит оправдательным мотивом? И потом – в стране миллионы коммунистов, ты их всех собираешься вешать?

– Мне интересен только ты, как пятно на нашей фамилии.

– Какую фамилию ты считаешь нашей?

– Мой дед был Апальковым.

Апалькова – девичья фамилия моей мамы.

А время уже к отъезду. Я закрыл лабораторию и мы вместе вышли из корпуса.

Все-таки аэродром – отличное место, где заблудшая душа может поразмыслить над тем, как жить дальше. Мне повезло, что сюда попал.

Однажды Ручнев подловил меня за работой над рукописью, которую я быстро убрал в ящик стола, что не ускользнуло от его взгляда.

– Оперу пишем?

– Ему, родному.

– Что стукачу нужно? Жена, авторучка и получка! Верно?

– Ты как всегда прав.

– Только я не пойму никак – ты у нас женат или нет?

Или как тот пилот, который полжизни смотрит на прибор-

ную доску, а полжизни на задницу официантки?

– На хороший зад не грех посмотреть.

– Вот и я говорю – пока в баках топливо есть, надо иметь запасной аэродром.

– Да ты, Владимир Иванович, у нас ходок!

– Есть в кого! Дед Апальков в семьдесят лет женился на молодой под сорок и ребеночка ей заделал.

– Значит и нам с тобой не грозит преждевременная импотенция.

– М-да! – Ручнев мечтательно закатил глаза. – Другие уже начинают жаловаться – то литра керосина не хватило, то метра высоты в этом деле... А у меня всегда на 12—00.

А я почему-то не чувствую себя счастливым.

Несколько месяцев назад решил, что никогда не буду злить Ручнева, ибо расписховавшись он становился диким животным. А в обычном своем состоянии он был отъявленным сукиным сыном, собиравшимся меня повесить за мою работу в райкоме партии.

А вообще-то наш аэродром – просто райское место. Вроде бы построен среди болот, но там где надо – бетон и асфальт, а рядом в кустах гагары кричат и на чистую воду порой выплывают серые утки с утятами и гуси с гусятами. Говорят, что видели лебедя и журавлей. Ну, а уж про простых обитателей болот что говорить – их тут пруд пруди. И авиаторы, надо сказать, в большой массе своей охотники и рыболовы, с сочувствием относятся к пернатым соседям.

Нашего полку служащих советской армии прибыло – милостивая из себя Светлана, молодая, но уже жена начальника штаба полка, пришла в группу радиооборудования. Меня показали ей. Она подошла.

– Вы Анатолий?

– Тридцать с лишним лет уже как.

– А я Светлана. Буду работать в группе капитана Зозули.

– Мы практически не пересекаемся с вашими специалистами.

– Но общаться как люди мы ведь можем?

– Да, конечно.

– Спасибо, – она улыбнулась и пошла прочь.

Она была представителем нашей когорты и хотела, чтобы эта когорта была – чтобы мы общались и обсуждали набравшие наши вопросы служащих СА. И каким симпатичным представителем!

С удовольствием наблюдая вид сзади новой знакомой, я добавил:

– Обращайтесь в любое время.

Вот бы мне такого механика!

– Как вы попали в ТЭЧ? – спросил Светлану при следующей встрече, радуясь этому событию.

– Просто пришла.

– И какого вы мнения о своей новой работе?

– Я бы лучше колола свиней.

– А Зозуля знает? Может быть вам завести свинарник?

– Звучит великолепно. Вы подскажите ему, если общаетесь.

– Только за карточным столом.

Приходит время, когда можно забыть увельских партократов и начать доверять простым людям. В стране действительно происходит что-то непонятное, тревожащее. Если партию разгонят, а райкомы упразднят, я, пожалуй, оставлю все страхи и боли в прошлом, выйду в народ с доброй памятью и чистой совестью. Это казалось не столь трудным. Я и не думал, что почти годовая тяжба с райкомом партии обернется кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Разум всегда берет верх над безумием.

Прапорщик Ручнев конечно шутит, приговаривая меня к повешению, но, думается, недалеко то время, когда на человека, заявившего, что он член КПСС, будут смотреть как на пришедшего нагишом на собственные похороны. Сейчас я находился в той среде, где партийное влияние почти отсутствовало, и здесь, если повезет, незамеченным просижу до того счастливого времени, когда ей безвозвратный придет кердык.

А может, и не досижу.

– А ну-ка скажи-ка, Владимир Иванович, в чем основное предназначение коммунистической партии?

Ручнев, не задумываясь:

– Народ обманывать!

– Руководить и направлять! Не забывай, что наша стра-

на находится на пути к бесклассовому коммунистическому обществу. А мы живем в опасное время. Провокаторы и шпионы мутят народ. Чтобы сохранить целостность общества, нам нужно сильное правительство, а силу дают силовые структуры. Армия, например. Только представь страну без армии! Это же не мыслимо. Политики говорят – кто не кормит своих солдат, будет кормить чужих. Если мы не будем поддерживать партию, то неминуемо скатимся в хаос, и за этим последует вражеское вторжение. И лишь единство партии и народа спасает нас от анархии. Вот к чему мы должны стремиться. А ты собираешься коммунистов вешать. Недальновидно.

Конечно, это я прикалывался, но Вовок расхохотался не на шутку и в запальчивости грозился приговор свой относительно меня привести в исполнение еще до падения КПСС.

– Честь – самое важное достоинство советского офицера. Прапорщик Ручнев, вы же присягу давали на верность Родине и партии.

Вовок с размаху хлопнул ладонью по столу:

– Я дал – я взял! Тебя моя присяга не спасет.

Шутки шутками, но Ручнев – это лишь выразитель мнения коллектива. Я чувствовал, что меня сторонятся. Впрочем, и сам ни к кому не набивался в приятели. Просто делал свою работу и все.

Летом, когда прапора кемарили в лабораториях, я отправ-

лялся на свежий воздух. Ближайший лес был для меня приютом и местом уединения. Здесь полно было грибов и ягод. И практически не бывали ягодники и грибники. На полянах росла высокая сочная трава и стояли остовы истребителей. Они потемнели от времени и непогоды и кое-где покрылись тонким слоем мха, но до сих пор производили впечатление огромной скорости и мощи. Сюда мы проникали пацанами за разными авиационными фиговинами. А теперь эти места оказались никому не нужными и забытыми. В сезон я практически каждый день набирал полный пакет грибов и отвозил жене или домой. Ягоды не любил собирать, но иногда старался для любимой дочери. Но потом кто-то Томе сказал, что все леса и поля вокруг аэродрома заражены радиацией, и от моих приношений отказались.

Однажды, напросившись по телефону на встречу, я пришел к Виталию Петровичу Реутову домой. И первый вопрос мой после приветствия – что происходит со страной?

– Терпение! – сказал он мне. – Терпение – это высшая добродетель. Если будешь спешить с выводами, то потерпишь неудачу. А это довольно болезненно. Всегда надо оставаться спокойным и в то же время сосредоточенным на удаче.

Виталий Петрович таким и оставался. Он ушел с поста заместителя начальника райсельхозуправления. Организовал научно-производственный кооператив «Альтернатива» и взял в аренду земли вокруг бывшего села Бараново.

Я, собственно, и пришел к нему по этому поводу.

Услышав про «Альтернативу», сказал отцу:

– Хватит кажиться. Я, конечно, помню, что запах свежескошенной травы лечит твой ларингит, но потом все остальные заботы с сеном усугубляют его. В этом году я пойду к Реутову и попрошусь к нему в кооператив. Месяц поработаю – оплата кормами коровке на зиму.

– Добро, – сказал отец.

И вот я здесь. То есть на Бараново в «Альтернативе». Тридцать календарных дней у меня отпуск. Тридцать дней я работаю в кооперативе старшим куда пошлют. И за это оплатой мне грубых кормов коровке на зиму.

– Две тонны сена, – сказал Виталий Петрович, – и две соломы.

Мы ударили по рукам.

А еще я встретил Татьяну Зюзину. Она вернулась из декретного отпуска в редакцию и возглавляет наш многострадальный сельхозотдел.

– Сейчас я подрабатываю в «Альтернативе» – на время отпуска устроился. Интересны будут репортажи с места событий? Гонорары меня не интересуют – можете публиковать под своей фамилией или любым псевдонимом. Мне хочется Реутову угодить и молодость вспомнить.

На том и поладили.

Я оформил отпуск в части. Месяц выдался утомительным, а концовка даже унижительной. Вот с нее и начну. Приезжаю с работы (вышел уже в ТЭЧ), а у отца сердечный приступ.

Врача вызывали – то да се. Оклемался папа и подает записку с печатью:

– Почитай.

– Что это?

– Расчет за труды твои в «Альтернативе».

Отец, оказывается, захотел лично пообщаться с великим человеком Виталием Петровичем. Созвонился и пошел к нему в контору – «Альтернатива» снимала кабинет в здании райсельхозуправления. Поговорили. Реутов выписал отцу к отпуску – два рулона сена и два соломы. Сыну, говорит, привет передавайте.

Всего четыре рулона! По моим подсчетам – тонна сена это три рулона, тонна соломы это четыре – итого десять рулонов Петрович зажил. У отца приступ сердечный.

Ах ты гнида скупая! Баринном себя возомнил?

Поднимаю трубку, набираю номер.

– Виталий Петрович, вы дома? Я сейчас подойду.

– Недоразумение, – говорит, – Анатолий.

А сам пронзительно смотрит в глаза.

Я позволил столбу пара опасть. Знание – это сила, разум – это все.

Мои подозрения подтвердил Бочаров, бывший главный агроном района, ныне на той же должности в «Альтернативе» и член ее правления.

– Это вычеты, Анатолий. Никакой ошибки. Муку брал, мясо, несколько раз рыбу. Вот и суммировал Виталий Пет-

рович.

С мукой как получилось. Отработали световой день на Бараново, в Увелку приехали на межколхозную мельницу «Стандарт». Стали зерно молотить на муку – сами с механизмами управлялись. Заполночь покидали мешки в автобус и развезли всем участникам по домам. Я ведь тоже участвовал, и мне завезли мешок.

И с рыбой фигня. Наловили, поехали продавать – раз магазин не принял, другой раз бандюки прессанули, когда начали с кузова на базаре торговать. Вернулись обратно с полным коробом и раздали работникам – не пропадать же добру. Другой раз разделявали ее допоздна – засолили, закоптили, а потом раздали: девать-то некуда. И с мясом так же. Охромел бычок – закололи, сколько вошло в холодильник заморозили, а остальное раздали.

Ах, Виталий Петрович, жадность погубит вас. Все как всегда – ничего не меняется на Земле за последние четыре тысячи лет. Ибо сказано – незримо и беззвучно наши пороки губят нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.